

«ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ ВИКИНГОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Сергей ДЕРНОВИЧ

В конце I – начале II тыс. н. э. через территорию, занимающую ныне северные и центральные районы Беларуси, пролегли торговые пути, соединившие Балтийское и Черное моря. Они выводили на просторы Восточно-Европейской равнины и далее на юг – к Средиземноморью и Арабскому Востоку. Этому благоприятствовало географическое положение нашего региона. Через пространства Литовско-Белорусской возвышенности и Смоленско-Московской гряды проходит водораздел Западной Двины, Днепра и Немана. В пределах наиболее возвышенных участков берут свое начало реки, принадлежащие к бассейнам Балтийского и Черного морей. Проблема развития системы водных коммуникаций в эпоху викингов – весьма значима для осмысления культурно-исторических процессов Средневековья. Неудивительно, что она обсуждается в историографии уже более двух столетий. Несмотря на то, что первые результаты были получены в первой четверти – середине XIX века, разработки продолжаются и на современном этапе.

ОРУЖИЕ ВИКИНГОВ: МЕЧИ

Материалы изучения археологических памятников региона, полученные в результате работы нескольких поколений исследователей, образовали фонд источников, освещающих развитие пути «из варяг в греки» на территории Северной и Центральной Беларуси в эпоху викингов. Большая часть артефактов получена в ходе раскопок культурного слоя поселений. Некоторые предметы входили в состав погребального инвентаря, связаны с денежно-вещевымикладами этого времени или относятся к случайным находкам.

Сравнительно мало найдено на территории Беларуси мечей викингов: всего шесть. Наиболее ранний экземпляр обнаружен в составе денежно-вещевого комплекса у деревни Брили в правобережной пойме реки Березины (Днепровской). Этот комплекс датируется временем между 890 и 892 годами [1, с. 60–61].

Меч по своей типологии подобен двум мечам, найденным в Витебске и его окрестностях [2, с. 268; 3, с. 58–65]. Наиболее массово мечи такого типа («Н» по типологии Я. Петерсена) представлены в Скандинавии, где они составляют 48 % от общего ко-

личества находок. На территории Древней Руси они сконцентрированы около ранних торгово-ремесленных и дружинных центров Юго-Восточного Приладожья, Ярославского Поволжья, Верхнего и Среднего Поднепровья вдоль пути «из варяг в греки» и не встречаются южнее линии Чернигов – Киев – Муром. Восточная граница их распространения – Волжская Болгария.

Определение хронологических рамок использования мечей типа «Н» все еще остается проблематичным. Мечи этого типа, найденные в Норвегии, Я. Петерсен отнес к 800–950 годам [4, с. 89–101]. Этим же временем датируются финские артефакты. На основании современных исследований высказывается предположение, что большинство скандинавских мечей типа «Н» использовались, вероятно, не в IX веке, а в X – начале XI века [5, с. 105].

Основная масса древнерусских мечей датируется X веком, а часть находок относится ко второй половине X – XI веку. В районах, прилегающих к Белорусскому Поднепровью, наиболее «ранние» мечи типа «Н» входили в состав погребального инвентаря курганного могильника у поселка Новоселки Смоленской области, функционировавшего от начала 20-х до середины 40-х го-

СЛОВА МАЛАДЫМ ВУЧОНЫМ

дов X века, а также известны в материалах Гнездовского археологического комплекса после 925 года.

Таким образом, датировка меча из денежно-вещевого комплекса у деревни Брили соответствует скандинавским и прибалтийским материалам и в то же время является достаточно ранней в сравнении с аналогичными древнерусскими артефактами.

Из курганного погребения д. Гурковичи на территории бывшей Вилейской округи происходит верхняя часть меча («V» по типологии В. Казакевича) [6, с. 61]. В Северной Беларуси единственный артефакт данного типа найден при проведении строительных работ в Полоцке [7, с. 150–151; 8, с. 21, 32] (рис. 1). Мечи рассматриваемого типа использовались на европейском континенте от Британских островов и Скандинавии до Юго-Восточной Прибалтики и Среднего Поднепровья. Датируются они X веком, хотя для норвежского материала хронологические рамки сужены до первой половины X века, а для балтского, наоборот, расширены до первой половины XI века.

В 1854 году в ходе исследования курганного погребения по обряду трупосожжения у деревни Городилово в верховьях Березины (Неманской) А. Киркором был обнаружен железный, согнутый вчетверо, двухлезвийный меч [9, с. 16]. Любая попытка соотнести меч с тем или иным типом пока представляется условной.

КОПЬЯ, ТОПОРЫ, СТРЕЛЫ

К североевропейским древностям эпохи викингов относятся наконечники копий с пером ланцетовидной формы с достаточно узким вытянутым лезвием, суживающимся у шейки и плавно переходящим во втулку с врезным «стрельчатым», или «готическим» орнаментом [4, с. 26–28]. К аналогичным древностям в Северной и Центральной Беларуси относятся два наконечника копий из курганов Браславского Поозерья, которые датируются рубежом X–XI веков, и наконечник из окрестностей Минска, известный лишь как случайная находка [10, с. 6; 11, с. 4; 12].

Ареал распространения таких копий достаточно широк. В Скандинавии, несмотря на отдельные находки в областях, удаленных от моря, большая их часть сосредоточена в прибрежных районах Норвегии, Швеции, Финляндии и совпадает с территорией, где обнаружены мечи с надписью ULFBERHT на клинке. К тому же, часть предметов непосредственно найдена в комплексах вместе с другими изделиями западноевропейского происхождения. Исследователи указывают на их франкское происхождение и последующий импорт из Скандинавии в Восточную Европу на протяжении 800–1050 годов.

На территории Древней Руси ланцетовидные наконечники копий с бороздчатым орнаментом на тулье обнаружены на памятниках X–XI (?) веков Юго-Восточного Приладожья, бывшей Санкт-Петербургской губернии и в Гнездове.

Среди наиболее оригинальных находок, полученных при раскопках курганов во второй половине XIX – начале XX века в северо-восточных районах Центральной Беларуси, Е.Р. Романов называет «найденные в Лукомле топор – молот скандинавского типа и копьё, трубчатая часть которого обвита серебряною проволокою» [13, с. 93]. К сожалению, более детальная информация не приводится.

В Лукомле на окраине урочища Проклятое поле случайно был найден скелет человека и возле него – наконечник копья, а также обломок железного серпа и наконечник стрелы [14, с. 24]. Несмотря на то, что копьё очень плохо сохранилось и подверглось сильной коррозии, на его втулке различимы следы инкрустации в виде ромбов, обрамленных ленточным плетением и треугольной фигурой. Предмет относится к типу «G» по типологии Я. Петерсена.

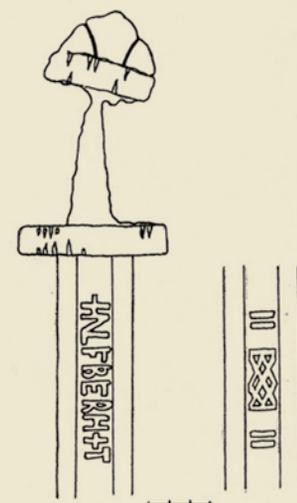
Анализируя распространение артефактов данного типа среди североевропейских древностей, можно отметить, что наиболее близкая орнаментальная композиция представлена на втулке копья X века из Дании (Rønnebæksholm, Sjælland). Инкрустированные наконечники копий типа «G», найденные в Прибалтике, Финляндии и Скандинавии, главным образом на Готланде, украшены различными вариантами «стиля

ДЕРНОВИЧ Сергей Дмитриевич.

Родился в 1974 году в г. Березино Минской области. В 1996 году окончил Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка, в 1999 году – аспирантуру Института истории НАН Беларуси. С 1999 года работает младшим научным сотрудником в отделе археологии средневекового периода Института истории НАН Беларуси.

Сфера научных интересов: историко-культурные контакты населения Беларуси и Скандинавии в эпоху викингов (IX–XII века).

Рисунок 1.
Меч типа «V»
из Полоцка

СЛОВА МАЛАДЫМ ВУЧОНЫМ

рунических камней» и датируются серединой/концом X – началом XI века.

Довольно трудно выделить среди местного комплекса средств ближнего боя топоры норманнского происхождения. В эпоху викингов скандинавские мастера активно занимаются поиском наиболее эффективных форм. На основе унаследованных типов они вырабатывают новые образцы «бородовидных топоров», а также развивают модель с широким лезвием, симметрично расширяющимся в обе стороны, косо срезанным у режущего края.

Среди топоров, найденных на памятниках Северной и Центральной Беларуси, выделяются экземпляры из Полоцка и Заславля [15, с. 21, рис. 9.4; 16, с. 187, рис. 2.8]. Несмотря на широкое распространение таких топоров, особенно в своих поздних вариантах, исследователи указывают на их прототипы VIII–IX веков в материалах Центральной и Северной Европы, а также отмечают скандинавские параллели в последующее время.

Северные аналогии имеет и топор X–XI веков, входивший в состав погребального инвентаря одного из курганов у деревни Дудовка в окрестностях Минска [17, с. 4]. Предмет отличается от многочисленных подобных артефактов наличием фигурного выступа на нижнего края лезвия (рис. 2). Такой морфологический элемент представлен на отдельных боевых топорах Готланда, Прибалтики и бывшей Санкт-Петербургской губернии. Достаточно показательное скандинавское оружие дистанционного боя в эпоху викингов. Оно представлено железными наконечниками стрел ланцетовидной формы. Такие артефакты содержатся в археологических коллекциях Полоцка, Витебска, Прудников (Миорский район), Лукомля и Минска. Почти все они характеризуются достаточно длинным пером с сечением в виде сильно сплющенного ромба, шейкой, коротким черешком с упором для древка. Ланцетовидные наконечники трехгранного, квадратного, ромбического сечения не получили широкого распространения и единичны.

По стратиграфическому показателю такие артефакты относятся к нижним слоям памятников и датируются X–XI веками, что в

основном подтверждается скандинавским материалом с территории Древней Руси, Швеции, южного побережья Балтийского моря и Прибалтики.

Таким образом, представленная коллекция предметов вооружения, несмотря на немногочисленность и разрозненность, позволяет выделить некоторые закономерности. Обращает внимание соответствие рассматриваемых артефактов номенклатуре североевропейских древностей. Устаревшие типы сменялись более совершенными, причем так называемое явление запаздывания почти не отмечается. Достаточно эффективные образцы использовались в качестве прототипов для разработки новых типов оружия, более совершенных и соответствующих военным требованиям. Картографирование материала указывает на его приуроченность к памятникам, находящимся в Полоцко-Витебском Подвинье, Браславском Поозерье, а также в зоне водораздела Двины, Днепра и Немана (Минск и окрестности; Лукомль и окрестности).

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Среди археологического материала региона выделяются своей яркостью и репрезентативностью ювелирные изделия, характерные для скандинавского вещевого комплекса. Их появление и дальнейшее развитие можно связывать с приходом на территорию современной Беларуси норманнов.

Бронзовая равноплечная фибула, найденная на городище у деревни Масковичи в Браславском Поозерье, датируется IX веком (рис. 3). Предполагается, что артефакты подобной формы и орнаментации возникли в Северной Европе как результат культурного влияния Франкской империи на раннем этапе эпохи викингов. Они использовались для скрепления верхней одежды скандинавской женщины в ранний период истории викингов, а в некоторых регионах Скандинавии и Древней Руси – в средний период, когда их место занимают трехлистные и большие круглые фибулы. Застежка с городища Масковичи имеет близкие параллели в североевропейских

Рисунок 2.
Топор, д. Дудовка

материалах, особенно из центральных провинций Швеции вокруг озера Меларен. В Дании, где известно только несколько подобных экземпляров, обнаружены литейные формочки для их изготовления. В Восточной Европе они представлены как в погребениях, так и в культурном слое поселений Древней Руси, сосредоточенных, главным образом, вдоль транспортных коммуникаций IX–XI веков. В Днепро-Двинском междуречье равноплечные фибулы зафиксированы близ Торопца, в городке на Ловати в окрестностях Великих Лук, в Гнездове, Заозерье и Демидовском районе Смоленской области. Один из артефактов найден в ходе исследования Пскова. Обращает на себя внимание их полное отсутствие в древностях Литвы и Латвии.

Особую группу скандинавских застежек, также служивших для скрепления верхней одежды, представляют бронзовые, почти всегда позолоченные с лицевой стороны, фибулы, круглые по форме и достаточно крупные по размеру. Их поверхность, обычно с круглым выступом в центре, покрыта элементами в стиле Борре, иногда – Еллинг. Такие украшения известны главным образом по шведским и норвежским материалам X века.

При описании захоронений по обряду кремации курганного могильника у деревни Черневицы бывшего Дисненского уезда археологи Елена и Владимир Голубовичи из числа сохранившихся в огне предметов отмечают «фрагменты ажурной щитовидной, по всей вероятности, круглой фибулы» [8, с. 132]. К сожалению, более детальная информация об артефакте не приводится, а его изображение отсутствует. В сводке подобных изделий, обнаруженных на территории Древней Руси, учтено 28 предметов.

В ходе археологических раскопок внутри Благовещенской церкви в Витебске в одной из материковых ям обнаружена бронзовая булавка с кольцевидной подвижной головкой [19, рис. 58.2; 20, с. 78–79, рис. 76.15]. Необычный вариант оформления застежки не позволяет указать полные аналогии как

в восточноевропейском, так и западноевропейском материале. Однако общее устройство изделия дает основание для предположения, что артефакт является элементом костюма скандинавской женщины и относится к фибулам, которые встречаются в древностях Северной Европы, Готланда и Старой Ладogi эпохи викингов.

Весьма интересной представляется кольцевидная фибула с длинной иглой из курганного могильника деревни Городилово (рис. 4). Рассматриваемый артефакт является достаточно индивидуальным по характеру орнамента и конструктивным особенностям. Такой прием, как покрытие бронзовой основы белым металлом, имеет определенные параллели в норвежской традиции изготовления подобных застежек. В Норвегии, начиная с X века, в том числе и таким способом, пытались копировать и имитировать серебряные прототипы Британских островов.

Несмотря на небольшие различия в деталях орнамента, фибула из Городилова находит аналогии в скандинавском материале X века, а также соотносится с пряжками из киевского некрополя и клада 1891 года у деревни Демшина бывшей Псковской губернии, датированных концом X – серединой XI века.

Атрибутом скандинавского мужского костюма являются и кольцевидные булавки, прототипы которых восходят к ювелирным изделиям Британских островов и не имеют каких-либо параллелей в восточных регионах Балтийского моря. Украшения, состоящие из замкнутого кольца с длинной иглой, выявлены как в погребениях, так и на поселениях Восточной Европы. Во второй половине XIX века такая застежка была найдена В.З. Завитневичем при изучении курганных древностей в окрестностях Минска. Артефакт хранится в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ, инв. № 35127) [21, с. 204]. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют

Рисунок 3.
Фибула ЯП 73,
Масковичи

Рисунок 4.
Фибула ЯП 210-211,
Городилово

Рисунок 5.
Фибула ЯП 237
(фрагмент),
Прудники

привести более детальную характеристику предмета.

Еще одна булавка зафиксирована в верхних напластованиях селища в урочище Ровинки (Церковище) у деревни Красная Зорька в пойме Березины (Днепровской) [22, с. 130–138, рис. 17.2]. Верхняя часть изделия представляет собой сомкнутое железное кольцо, овальное по форме и круглое в сечении. Оно снабжено специальными выступами для узкой перемычки, на которую закреплена игла. Большая часть ее по всей длине сохраняет округлую в сечении форму, за исключением плавно расширяющегося пластинчатого основания. Следы орнамента в виде параллельных насечек обозначены только на лицевой поверхности кольца.

Близкую форму, но несколько иные пропорции, имеет фрагмент булавки, обнаруженный в 1991 году в ходе изучения городища «Замок» у деревни Прудники в Браславском Поозерье [23, с. 2–7, рис. 20.4] (рис. 5).

Отличительной чертой рассматриваемых артефактов является наличие овального кольца и специального приемника в его верхней части, вследствие чего передвижение иглы застежки вдоль дуги невозможно. Такие украшения достаточно широко представлены как в материалах Норвегии и Швеции IX–X веков, так и памятниках Восточной Европы, где отмечается присутствие норманнов в X – первой половине XI века. Среди подобных изделий экземпляры из урочища Ровинки (Церковище) выделяется отсутствием характерной уплощенной оконечности. Отмеченная конструктивная особенность, сохранение округлого сечения для основной части булавки, более свойственна британским прототипам, чем скандинавским образцам.

К предметам гарнитуры относится ремной наконечник с орнаментальной композицией в стиле Борре из Копыля. Наконечники этого вида известны в Гнездове (Смоленская область), Бирке, Адельсо (Швеция), на Готланде. Датировка рассматриваемого артефакта вызывает определенные трудности. Относительно небольшие размеры предмета указывают на X век или, по крайней мере, на рубеж IX–X века.

Рисунок 6.
Подвеска в стиле
Борре, Избище

Как образец скандинавского ювелирного ремесла можно рассматривать серебряную литую прорезную подвеску, обнаруженную при раскопках курганного могильника у д. Избище в окрестностях Минска [24, с. 81, 84, рис. 2]. Центральную часть артефакта занимает образ зооморфного существа, выполненного в скандинавском стиле Борре (рис. 6). В Беларуси известно два подобных экземпляра с городища Муравельник [25, с. 43], а также отдельный фрагмент с селища Моисеевичи [26, с. 122–123].

Предположительно, украшение из Избища имеет аналогии среди подвесок с псевдоушками из материковой Швеции, отчасти Дании и Норвегии, а также Древней Руси, где период их бытования приходится на середину – конец X века или конец X – начало XI века.

К редкому типу ювелирных изделий относится круглая серебряная подвеска, найденная в 1986 году при раскопках кургана-3 могильника у деревни Пашковичи, на правом берегу реки Сеница, правого притока Свислочи [27, с. 115, рис. 2.4]. Подобные украшения, напоминающие собой миниатюрное изображение щита, выступали в качестве скандинавских языческих амулетов и представлены, главным образом, в Средней Швеции в материалах конца IX – первой половины XI века, а также на территории Древней Руси, где большинство экземпляров датируется серединой – второй половиной X века.

В Нижнем Замке в Витебске в культурном слое X века был найден фрагмент литого ладьевидного браслета [28, с. 119]. Определить его точный размер невозможно, так как один из концов сломан. В поперечном сечении браслет имеет форму сегмента. Внешняя поверхность украшена глубоким рельефным орнаментом в виде зигзагообразных линий, обрамленных вертикальными валиками с краю и в центре. Вокруг этих элементов можно проследить пунктирную линию. Изображение отличается волнообразным характером и отсутствием острых углов. Такие артефакты имеют широкие параллели в Скандинавии, а также встречаются в Финляндии, Прибалтике и на северо-

западе Руси в IX–XI веках. К этому кругу древностей, вероятно, относятся также детали украшений из курганных погребений у деревень Озерцо (окрестности Минска) и Устье (Браславское Поозерье), а также образец местного подражания из Лукомля.

Вероятно, как развитие североевропейских традиций в регионе следует рассматривать факты находок монетовидных подвесок, орнаментированных волютами при раскопках в Заславле и поселении на реке Менка [29, с. 58–61] (рис. 7); привески с изображением «молоточка Тора» из курганного погребения X–XI веков в Заславле [30, с. 67]; железной шейной гривны, перекрученной в нескольких местах, из курганных погребений в Заславле и Старом Селе [31, с. 26–27, табл. V].

Таким образом, для коллекции североевропейских украшений характерны те же особенности, что отмечались в предварительных выводах относительно предметов вооружения. Тем не менее необходимо подчеркнуть: для ювелирных изделий гораздо более важной характеристикой выступает их как «традиционность», так и «модность» в определенной этнокультурной среде. В таком контексте определенная тождественность между североевропейским материалом и древностями с белорусской территории весьма показательна.

Среди других археологических материалов Северной и Центральной Беларуси необходимо отметить находки подковообразных фибул, кубических замков и ключей к ним, ножей, односторонних костяных гребней, ножниц, ледоходных шипов и других предметов североевропейского происхождения, которые в X–XI веках стали органичной частью местной культуры.

Указанные выше замечания позволяют предположить устойчивое функционирование системы коммуникаций с Северной Европой, пролежавших через Северную и Центральную Беларусь, и участие местного населения в этих контактах.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ

На территории Беларуси зарегистрировано немало кладов, относящихся ко второму периоду обращения дирхама в Восточной Европе (833–900 годы). Компактные группы этих кладов выявлены в окрестностях Полоцка, Витебска и Минска. Эпизодически они встречаются и на окраинах Полоцкой земли (Ахремцы – 852/853 годы; Поречье – 851/852; Баево – 862/863; Добрино – 841/842; Симоны – 845/846; Брили – 890/891). Для этого времени констатируется тенденция совпадения ареала куфического серебра и синхронных

Рисунок 7.
Подвеска
с орнаментом
в виде волот,
Заславль

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябцевич, В.Н. Монетная часть Брилевского денежно-вещевого комплекса конца IX в. / В.Н. Рябцевич // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 2001.
2. Дзярновіч, С.Д. Меч X ст. з Віцебскага абласнога краязнаўчага музея / С.Д. Дзярновіч, М.А. Плавінскі, Н.Ю. Шаркоўская // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2003. – С. 268.
3. Плавінскі, М. Новы меч эпохі вікінгаў з Віцебска / М. Плавінскі, С. Бабенка // Археалагічны зборнік. – 2006. – Вып. 1. – С. 58–65.
4. Petersen, J. De norske vikingsverd / J. Petersen. – Christiania, 1919.
5. Кирпичников, А. Новые комплексные исследования мечей эпохи викингов из собрания Государственного Исторического музея в Стокгольме / А. Кирпичников, Л. Толин-Бергман, И. Янссон // Славяне,

финно-угры, скандинавы, волжские булгары. – СПб., 2000. – С. 100–125.

6. Kazakevičius, V. IX–XIII a. Baltu kalavijai / V. Kazakevičius. – Vilnius, 1996.
7. Поболь, Л.Д. Древнерусский меч из Полоцка / Л.Д. Поболь // Весці АН БССР. Серыя грамад. навук. – 1960. – № 1. – С. 150–151.
8. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие / А.Н. Кирпичников. – М.-Л.: Наука, 1966. – Вып. 1. – 160 с.
9. Киркор, А. Археологические разыскания в Виленской губернии / А. Киркор // Известия Императорского археологического общества. – СПб., 1859. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 15–19.
10. Дучиц, Л.В. Отчет о раскопках курганного могильника у д. Устье Браславского района Витебской области / Л.В. Дучиц, В.И. Шадыро // Архив ИИ НАН Беларуси. – Минск, 1982. – Дело № 812.
11. Дучыц, Л.У. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст. / Л.У. Дучыц. – Мн., Навука і тэхніка, 1991. – 120 с.

12. Покровский, Ф.В. Виленский музей древностей / Ф.В. Покровский. – Вильна, 1892.

13. Романов, Е.Р. Старина доисторическая Северо-Западного края / Е.Р. Романов // Виленский календарь на 1908 г. – Приложения. – Вильна, 1907.
14. Штыхов, Г.В. Отчет о раскопках в Витебской и Минской областях и разведке в Ивацевичском районе Брестской области в 1970 году / Г.В. Штыхов // Архив ИИ НАНБ. – Минск, 1970. – Дело № 368.
15. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г.В. Штыхов. – Мн., Наука и техника, 1975. – 134 с.
16. Заяц, Ю.А. Зброя блізкага бою, рыштук конніка і верхавога каня з раскопак Заслаўя / Ю.А. Заяц // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці. – Мн., 1985. – С. 183–190.
17. Карпеко, В.А. Отчет о раскопках курганов в верховьях Птичи в 1979 году / В.А. Карпеко // Архив ИИ НАНБ. – Минск, 1979. – Дело № 639.

СЛОВА
МАЛАДЫМ
ВУЧОНЫМ

скандинавских артефактов (Масковичи, Зазоны, Поречье). Предположительно, они маркируют первоначальное движение по коммуникации между Западной Двиной и (или) Вилией и (или) Днепром: Браславское Поозерье – Дрисвятка – оз. Богинское – Дрисвятка – Дисна – Бирвета – Мяделка – оз. Мядель – волок – оз. Нарочь – Нарочанка – Вилия...

Восточное монетное серебро X века стабильно встречается в кладах на западной окраине Полоцкой земли (Погорельщина – 903/904 годы; Ленциковщина – 911/912; Тупичино – 943/944; Козьянки – 944/945; поселение на р. Менке – 952/953; Раковцы I и II – 952/953 и 945/946; Новые Струны – 972/973; Красная – 986/987). Несколько кладов содержат монеты с рунами и руноподобными знаками или предметы североевропейского импорта (Погорельщина, Козьянки).

Несмотря на приток западноевропейского монетного серебра, в XI столетии отмеченная ситуация сохраняется (Горовляны I и II – 1040–1050, 999–1002; Полоцкий Верхний Замок – (?); Прусеничи – 978–1016; Поречье – 1016–1035; Стражевичи I и II – 1027–1054, 1011–1059; Новый Двор – 995–1031). Однако можно констатировать активизацию движения в районе Друцкого волока и Лукомля, что связано с действиями полоцких князей, особенно Брячислава.

Анализ скандинавских древностей, а также интенсивность поступления как восточных дирхамов, так и западноевропейских денариев, особенности их топографии – все это позволяет предположить, что первоначально окраинные области бассейна Западной Двины, а затем и смежные территории были включены в трансъевропейские коммуникации. С X века Западная Двина становится основной транспортной магистралью Полоцкой земли. Вероятно, достаточно интенсивно использовались реки Дисна, Нарочь, Вилия, Березина Неманская, Свислочь, Эсса, Березина Днепровская, Улла, Бобр, Друть, Ловать, Лучеса как своеобразные связующие звенья между речными системами Балтийского и Черного морей. Показательно, что коммуникация «из варяг в греки», соединившая Север и Юг, являлась одновременно как военно-торговым маршрутом, вдоль которого развивалась русско-варяжская экспансия, так и «каналом» распространения культурных импортов.

Полученные сведения позволяют реконструировать некоторые моменты развития историко-культурных контактов населения территории современной Северной и Центральной Беларуси вдоль пути «из варяг в греки» в IX – начале XII века, а также обратить внимание на активное участие выходцев из Скандинавии в этих процессах. ■

18. Голубович Е. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР / Е. Голубович, В. Голубович // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.-Л., 1945. – Вып. XI.

19. Бубенько, Т.С. Отчет о полевых исследованиях внутри Благовещенской церкви XII века в г. Витебске в 1994 г. / Т.С. Бубенько // Архив ИИ НАН Беларуси. – Витебск, 1997. – Дело № 1654.

20. Бубенько, Т.С. Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.) / Т.С. Бубенько. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004. – 276 с.: ил.

21. Дедюхина, В.С. Фибулы скандинавского типа / В.С. Дедюхина // Труды ГИМ. – 1967. – Вып. 43. – С. 191–206.

22. Побаль, Л.Д. Старажытныя паселішчы на Сярэдняй Бярэзіне / Л.Д. Побаль // Беларуская старажытнасць. Матэрыялы канферэнцыі па археалогіі

БССР і сумежных тэрыторый. – Мн., Рэдакцыйна-выдавецкі савет, 1972. – С. 117–149.

23. Шадыро, В.И. Отчет о полевых исследованиях в Миорском и Городокском районах Витебской области в 1991 г. / В.И. Шадыро // Архив ИИ НАНБ. – Мн., 1992. – Дело № 1352.

24. Штыхаў, Г.В. Крывічы. Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў. – Мн., Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.: ил.

25. Зверуго, Я.Г. Древний Волковыск X–XIV вв. / Я.Г. Зверуго. – Мн., Наука и техника, 1975. – 142 с.

26. Іоў, А.В. Гандлёва-эканамічны сувязі насельніцтва Заходняга Палесся ў IX – пачатку XI ст. / А.В. Іоў, В.С. Вяргей // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1993. – № 1 (2). – Ч. 1. – С. 117–134.

27. Заяц, Ю.А. Археологические памятники Менской земли (курганные могильники и селища) в верхнем течении

рек Птичь и Свислочь / Ю.А. Заяц // Материалы по археологии Беларуси. – 2006. – Вып. 11. – С. 114–117.

28. Бубенька, Т.С. Ювельнічны ўпрыгожанні Віцебска X–XIV стст. (па матэрыялах даследаванняў Ніжняга замка) / Т.С. Бубенька // 3 глыбі вякоў. Наш край: Гісторыка-культуралагічны зборнік. – Мн., Навука і тэхніка, 1996. – Вып. 1. – С. 110–131.

29. Штыхов, Г.В. Отчет об археологических исследованиях в Северной Белоруссии в 1967 году / Г.В. Штыхов // Архив ИИ НАНБ. – Мн., 1968. – Дело № 349.

30. Заяц, Ю.А. Заславль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц. – Мн., Наука и техника, 1995. – 208 с.

31. Ляўданскі, А.Н. Археалёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі / А.Н. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы катэдры археалёгіі. – Менск, 1928. – Кніга 5. – Т. I. – С. 1–92.